

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-117-126

Древняя Япония: исследования, переводы, гипотезы
Рецензия на двухтомное издание Л.М. Ермаковой
«Когда раскрылись Небо и Земля»

Е.К. Симонова-Гудзенко

Аннотация. Статья представляет собой обзор сборника статей, эссе и переводов Л.М. Ермаковой, изданных в двух томах под названием «Когда раскрылись Небо и Земля. Миф, ритуал, поэзия ранней Японии» (Москва: Наука – Восточная литература. 2020. Том 1. Исследования. 439 с. ISBN 978-5-02-039868-9. Том 2. Переводы. 591 с. ISBN 978-5-02-039869-6). В первый том включены как новые, ранее не публиковавшиеся, так и доработанные, расширенные исследования учёного, издававшиеся ранее. Они посвящены проблемам мифа, раннего ритуала, ранней поэзии Японии. В рецензии отмечается, что все без исключения исследования представляют ретроспективный взгляд на рассматриваемое явление/феномен, включают обращение к современности. Второй том составляют переводы важных текстов японской культуры: «Нихонсёки», *норито* («Энгисики»), *сэммё*: («Сёкунихонги») и «Ямато-химэ-но микото сэйки» с предисловиями и обширными комментариями. В рецензии подчёркивается оригинальный подход Л.М. Ермаковой к любой теме, глубокое проникновение в проблему и широчайшая эрудиция.

Ключевые слова: Япония, миф, ритуал, поэзия *вака*, «Кодзики», «Нихонсёки», буддизм, синто-буддийский симбиоз, ранние верования, материковые влияния, японская культура.

Автор: Симонова-Гудзенко Екатерина Кирилловна, доктор исторических наук, заведующий кафедры ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, 11). ORCID: 0000-0003-1096-5669; E-mail: eksimonova@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Симонова-Гудзенко Е.К. Древняя Япония: исследования, переводы, гипотезы. Рецензия на двухтомное издание Л.М. Ермаковой «Когда раскрылись Небо и Земля» // Японские исследования. № 3. С. 117–126. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-117-126

Ancient Japan: Research, translations, hypotheses
Review of the book in two volumes
“When Heaven and Earth Opened” by L.M. Ermakova

E.K. Simonova-Gudzenko

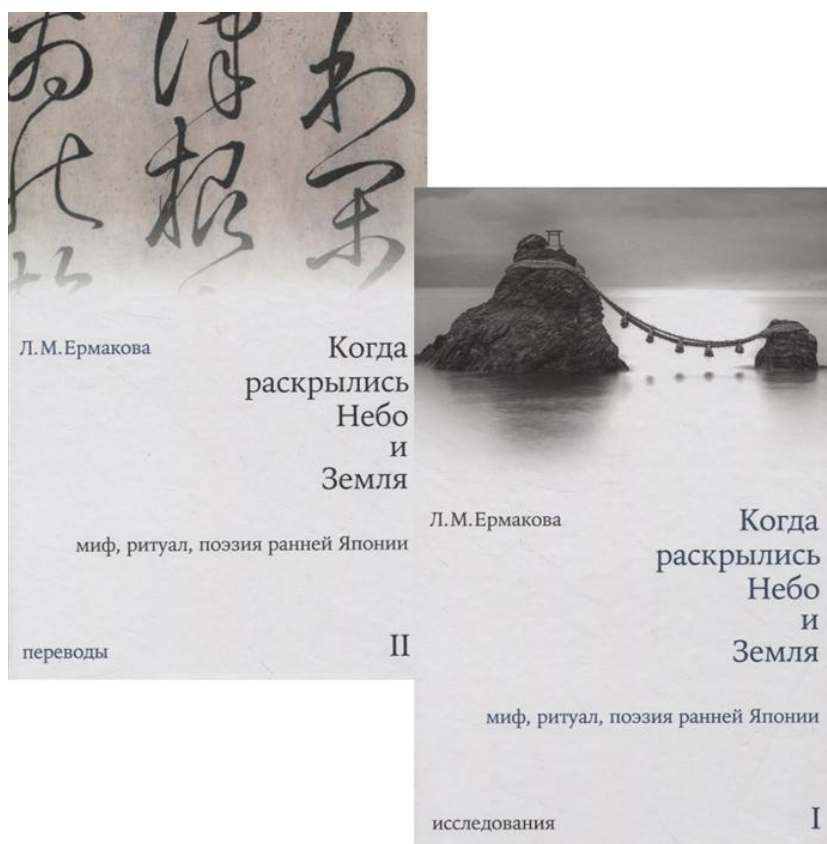
Abstract. The article reviews the book in two volumes by Ludmila M. Ermakova “When Heaven and Earth Opened” (Ermakova, L.M. (2020). *Kogda raskrylis' Nebo i Zemlya. Mif, ritual, poeziya rannei Yaponii*

[When Heaven and Earth Opened. Myth, ritual, poetry of early Japan]. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura. Vol. I. Research. ISBN 978-5-02-039868-9. Vol. II. Translations. ISBN 978-5-02-039869-6. (In Russian).). The first volume includes both new research by the scholar and some previously published works, revised and enlarged for the present edition. They are devoted to the problems of myth, archaic ritual, and early poetry of Japan. The review notes that all L. Ermakova's research, without exception, includes reviews of modern Japanese and Western historiography of the problems, as well as a retrospective view of the phenomena, including their manifestations in modern life. The second volume of the edition presents the translations of four important texts of Japanese antiquity: "Nihon Shoki", "Norito" ("Engishiki"), "Semmyō" ("Shokunihongi") and "Yamato-hime-no Mikoto Seiki" with prefaces and detailed commentaries. The review emphasizes the original approach of L.M. Ermakova to any problem, deep penetration into it, and her broadest erudition.

Keywords: Japan, myth, ritual, *waka* poems, "Kojiki", "Nihon Shoki", "Norito", Buddhism, Shinto-Buddhist symbiosis, early beliefs, continental influences, Japanese culture.

Author: Simonova-Gudzenko Ekaterina K., Professor, Head of the Department of Japanese History and Culture, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University (address: 11, Mokhovaya str. 125009 Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-1096-5669; E-mail: eksimonova@mail.ru

For citation: Simonova-Gudzenko E.K. (2021). Drevnyaya Yaponiya: issledovaniya, perevody, gipotezy. Retsenziya na dvukhtomnoye izdaniye L.M. Ermakovoy «Kogda raskrylis' Nebo i Zemlya» [Ancient Japan: Research, translations, hypotheses. Review of the book in two volumes "When Heaven and Earth Opened" by L.M. Ermakova]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 3, 117–126. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-117-126

Удивительно, что в эти уже почти два странных, страшных года случались и приятные события, можно сказать, подарки. И в первую очередь для меня это были издания новых книг. Об одном из немногих я и хочу рассказать.

Людмила Михайловна Ермакова — имя, вряд ли требующее пространных представлений, во всяком случае, для большинства тех из нас, кто занимается Японией уже несколько десятилетий. Мы знаем её по переводам ранних японских письменных источников «Кодзики», «Нихонсёки», молитвословий

норито из уложения «Энгисики», *сэммё*: из летописи «Сёкунихонги» и многим другим, а также по множеству публикаций по истории ранних верований, поэтике, мифологии, фольклору и другим аспектам японской культуры.

Последние 20 лет Людмила Михайловна живёт и работает в Японии, но не прерывает связи с отечественной наукой. В лучших традициях российских востоковедов прошлого, работавших за рубежом, она занимается не только своей главной темой – ранней японской словесностью и верованиями, она также знакомит японцев с русской культурой, исследует и пишет работы на межкультурные темы. Из этих тем назову такие, как Япония и Восточная Азия в круге чтения А.С. Пушкина, первые русские переводы средневековой повести «Такэтори-моногатари», разыскания о жизни и деятельности российского японоведа начала XX в. Г.Г. Ксимидова и многое другое. Эти её работы собраны в книге «Российско-японские отражения. История, литература, искусство», изданной в прошлом году издательством «Восточная литература». Подробную рецензию В.В. Щепкина на эту книгу можно прочитать в первом номере электронного научного журнала «Японские исследования» за 2021 г. [Щепкин 2021].

И хотя с частью этих работ автора мы уже знакомы, однако собранные вместе, переработанные и отредактированные заново, в сочетании с новыми, недавними исследованиями, они звучали более ярко и выразительно, – как песни-переключки, о которых Людмила Михайловна пишет уже в другой своей работе – в первом томе двухтомного издания «Когда раскрылись Небо и Земля», о которой у нас и пойдёт речь. Двухтомник, хотя и маркирован 2020 г., увидел свет совсем недавно, ранней весной нынешнего, 2021 года.

Оказавшись в «полевых» условиях страны изучения, Л.М. Ермакова с самого начала использовала открывшиеся возможности, находя новые черты, особенности, а иногда и доселе неизвестные области японской культуры и знакомя с ними нас, своих соотечественников.

Высокая требовательность к себе как исследователю, характерная для Людмилы Михайловны, проявилась и в этих изданиях. Она проделала огромную работу, при этом дополнив и обновив большую часть публикуемого материала.

Поясняя в кратком предисловии к изданию название двухтомника «Когда впервые раскрылись Небо и Земля», автор указывает, что этими словами начинается японский свод мифов и преданий VIII в. «Записи о деяниях древности» («Кодзики»). Научная щепетильность и точность Людмилы Михайловны проявляется уже в этой первой фразе, где она подчёркивает, что перевод знаменитого зачина «Кодзики» принадлежит не ей, а Е.М. Пинус.

В известной мере темы в двух томах пересекаются, исследования в первом томе раскрывают и углубляют понимание древних текстов второго тома, а переводы автором этих текстов иллюстрируют гипотезы и выводы, содержащиеся в томе исследований. Замечательно, что они изданы вместе, молодые японоведы получили уникальную возможность не только познакомиться с ранними японскими письменными текстами в переводах одного из лучших российских учёных, но и увидеть, как осуществляется исследовательская работа с ними.

Думается, что лучше автора вряд ли удастся сформулировать задачи издания: «оно готовилось с намерением дать общий очерк мира мифов и ритуалов древней Японии, связывая этапы и процессы этого мира с процессом становления ранней японской словесности, обобщив при этом написанное автором за многие годы» [Ермакова 1, с. 18].

Хотелось бы добавить, что исследования и иллюстрирующие их переводы, собранные вместе, объединённые единой общей идеей симбиоза религий (формулировка Л.М. Ермаковой), или *combinative religion* (формулировка А. Грапарда), раскрывают сложный многоаспектный японский религиозный феномен. И хотя почти в каждом тексте Л.М. Ермакова подчёркивает, что речь идёт о мифах, ритуалах, поэзии именно древности, в исследовании мы видим ретроспективный взгляд на сложную религиозную жизнь японцев в разные периоды истории японской культуры и даже современные её проявления. В предлагаемые читателю два тома вошли новые и ранее уже публиковавшиеся, но обновлённые, переструктурированные произведения автора, которые в новом контексте воспринимаются по-новому.

Начнём по порядку, как диктует жанр рецензии.

В первый том вошли статьи, написанные за последние 20 лет. Они разделены на три части: часть 1 «Миф и ритуал в ранней японской культуре», часть 2 «Поэтическое слово в ранней японской культуре» и часть 3 «Этюды и очерки». В каждую из частей включены новые, ранее не публиковавшиеся материалы автора. К сожалению, в книге не указаны время и место первой публикации ранее изданных статей Л.М. Ермаковой.

Одно из первых исследований, открывающих 1 том, посвящено понятию термина синтоизма, казалось бы, уже устоявшемуся и принятому научным сообществом [Ермакова 1, с. 35–48]. Л.М. Ермакова убедительно показывает, что понятие синто в разные исторические эпохи воспринималось и исследователями, и японцами по-разному, а в настоящее время «оно вызывает немало споров, сопровождается разночтениями и противоречивыми толкованиями». Её определение синто представляется нам точным и объёмным: «однако синто, если всё-таки употреблять этот термин, на протяжении истории представляло собой зыбкий, колеблющийся, меняющий очертания и границы контур. Время от времени предпринимались усилия по приданию ему стабильности и определённости – с большим или меньшим успехом». Уже в этом исследовании автор, последовательно рассматривая истоки понятия, говорит о добуддийских комплексах верований многих племён; при этом принесённый на Острова буддизм выступил своего рода организатором этих весьма разрозненных, обособленных комплексов.

Некоторые из сюжетов, ставших разделами двухтомника, мне посчастливилось слушать на лекциях, которые Людмила Михайловна, приезжая в Москву, читала студентам и интересующимся культурой Японии. Во-первых, это неожиданная версия сотворения мира бакланом – глава о японском «ныряльщике за землёй» [Ермакова 1, с. 97–114]. В ней автор представляет подробную аргументацию своей гипотезы о том, что в Японии, возможно, тоже сохранились следы общемирового мифологического мотива ныряльщика за землёй, первоначально распространённого «где-то в пределах Индии – Тибета – западных районов Китая». Л.М. Ермакова, следуя за разысканиями Ю.Е. Березкина и В.В. Напольских, описывает возможное движение мотива из Восточной Азии в Северную Америку и Евразию. «В соответствующих мифах ныряльщиком была черепаха, и после добывания земли со дна моря она служила опорой возникшей суши». Сразу на память приходит известный с детства сюжет, что земля покоится на трёх слонах и черепахе. Далее мы узнаём, что «по мере распространения этого мифа в Северной Евразии образ черепахи был вытеснен образом водоплавающей птицы: «ранние мигранты в Америку принесли с собой сначала южно-центральноазиатскую (с черепахой), а затем и сибирскую (с птицей) версии мифа».

Как показывает автор, в сюжете «Кодзики» о чудесном баклане – «ныряльщике за землёй» воспроизводится основной цикл сотворения мира с его главными космогоническими стадиями – добывание земли, получение огня трением, осуществление обжига и изготовление керамической посуды для жертвоприношений. В примечаниях к этому исследованию автор демонстрирует и неожиданное «буддийское проявление» этого мифологического сюжета на материале лирической драмы театра Но: «У-каи». Согласно драматической версии, человек после смерти, во втором рождении, стал бакланом за то, что ловил рыбу в запретном месте. «Эта драма, – пишет автор, – созданная в конце периода Хэйан, отражает буддийский идеологический переворот в культуре и обществе, связанный с запретом на охоту и ограничением рыболовства и тем самым противопоставленный древней картине мира».

В первой части первого тома Л.М. Ермакова выделяет два крупнейших центра верований – Исэ и Идзумо. Если с комплексом Исэ читатель ещё не раз встретится и в 1-м, и во 2-м томах, то Идзумо уделено не так много места, хотя он и не менее важен как своего рода антагонист Исэ.

Особо хотелось бы выделить главу 8 первой части «Ветер как миф и как фактор ранней японской литературы» [Ермакова 1, с. 176–200]. Как и рассказ о баклане – «ныряльщике за землёй», сюжет о мифологеме ветра я тоже слушала в виде лекции и ещё фрагментарно в форме доклада-комментария к свитку Огата Ко:рин «Бог ветра и бог грома» на выставке «Шедевры живописи и гравюры эпохи Эдо» в ГМИИ имени А.С. Пушкина в 2018 г. Написанный вариант много подробней устных версий. В статье скрупулезно рассматриваются толкование иероглифа «ветер» 風, а также «огромное значение в Японии китайского понятия *фу:до* (букв. “ветер и земля”), т.е. соединение ветров и поветрий с данной местностью, что обычно понимается как все мыслимые характеристики в их совокупности». Интересно наблюдение о пространственной ориентации по сторонам света, которая была воспринята в Японии из Китая с давних времен, «однако в японской мифологической таксономии не закрепилось понятие богов ветра восьми или четырёх направлений». Более того, указание на ту или иную сторону света в названии ветра отнюдь не означает, что ветер в действительности связан с указанным направлением. Как это характерно для островных народов, в японском языке, особенно в наречиях вдоль побережья Японского моря, зафиксировано много «слов, определяющих конкретные особенности ветра и возникших в связи с морской навигацией».

В статье подробно рассматриваются функции ветра: ветер как посредник, как канал передвижения между мирами, как голос божества, как злокозненный дух, как часть характерных китайских биномов, и, разумеется, как сила, приносящая дождь и плодородие. Особое место автор отвел иконографии ветра и любопытному факту – антропоморфному облику бога с «мешком ветров» за спиной. Автор, опираясь на различные исследования, прослеживает истоки образа, приводя впечатляющие параллели с мифами и монументальными изображениями Древней Греции, фресками в пещерах Дуньхуана и др. Речь идёт о движении образа этого божества с запада на восток, вдоль культурных миграций по Шёлковому Пути. Кроме того, примечательно соотнесение архаических наименований ветров с неологизмами в современном японском языке, как, например, выражение

би:ру-кадзэ, где *би:ру* – производное от английского *building*, т.е. речь идёт о ветре-сквозняке, возникающем между двумя близко стоящими зданиями высокой этажности.

Кроме вышеупомянутых разделов хочется отметить как особо важные главы о «голосе рассказчика начала времён» в «Кодзики» и «Нихонсёки» [Ермакова 1, с. 76–89], а также раздел о светильниках на переходе от мифа к поэзии, от мифологических сводов к «Манъёсю» [Ермакова 1, с. 163–175]. Это новые разработки автора, но хочется ещё раз отметить, что не только новые, но и опубликованные ранее работы Л.М. Ермаковой включены в рассматриваемое издание в расширенном и переработанном виде и, оказавшись внутри связного научного повествования, воспринимаются по-другому и по-новому.

Не будучи филологом по образованию, не возьмусь сколько-нибудь подробно описывать часть вторую «Поэтическое слово в ранней японской культуре» [Ермакова 1, с. 201–380]. Могу только сказать, что поэтологический анализ Л.М. Ермаковой отличает оригинальность подхода и глубина проникновения в текст. Остановлюсь лишь на нескольких моментах. По-новому звучал и с большим интересом читается раздел «Мифологема взгляда» [Ермакова 1, с. 240–256], уже знакомый по книге Людмилы Михайловны «Речи богов и песни людей. Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики» (серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока». Москва: Наука. 1995). Сегодня я увидела этот раздел в ином ракурсе, чем 25 лет назад, с позиций моих нынешних занятий историей японской картографии.

Глава 6 «О типологии песенных переключек» [Ермакова 1, с. 312–332] напоминает мне лекцию Л.М. Ермаковой, прочитанную в ИСАА по горячим следам – она принимала участие в двух экспедициях японских фольклористов-антропологов в ареал племени мяо в Южном Китае в 2008–2009 гг. Это были живые этнографические зарисовки, сделанные внимательным наблюдателем. Нынешняя же работа предлагает не только подробный анализ обряда песенных переключек «как ратифицированный общиной сценарий встречи и знакомства молодых людей обоюбого пола и заключения семейных союзов», но и выявляет их истоки и устанавливает сходства с распространённым когда-то на Японских островах обрядом *утагаки*, упоминаемом в «Манъёсю» и «Фудоки». Неожиданным, но обоснованным представляется наблюдение автора, что до сих пор сохранившийся у народа мяо «способ общения песнями – и в рамках обряда, и в семейном быту, – как это ни парадоксально, чрезвычайно схож с придворным миром раннесредневековой Японии, где сложение танка – явление, сращенное не только с этикетом, но и с повседневным обиходом, с узловыми и поворотными пунктами биографии».

На наш взгляд, необходимо сказать и о следующей главе 7 – «О перечнях и списках в японской литературе» [Ермакова 1, с. 333–346]. В ней говорится о перечнях и каталогах как явлениях, которые в изобилии встречаются в японской письменной культуре и являются одним из мощных ранних инструментов категоризации мира. Кратко останавливаясь на появлении и значении списков как средства для классификации явлений и систематизации элементов мироустройства, Л.М. Ермакова посвящает статью скрупулезному исследованию «алфавитов мира» в Японии. Как она предполагает, рождение этих текстов «связано с появлением в Японии известного китайского текста «Цянь цзы вэнь» (яп. «Сэндзимон», кор. «Чхонджамун» – «Текст из тысячи знаков»), созданного около VI в.». На протяжении истории японская культура продолжает составлять списки в разных областях деятельности. И в самом деле, разные принципы каталогизации присущи разным культурным жанрам,

например, в «Манъёсю» мы встречаем рубрики по сезонам, по лирическим темам, в «Фудоки» воспроизводится что-то вроде словесной карты с членением повествования по провинциям и уездам, словари строятся в соответствии с китайской системой иерархии элементов космологии и т.п.

Назову ещё два раздела, раскрывающие роль важнейших кодов японской культуры – вегетативный и связанный с ним сезонный, они также заслуживают отдельного упоминания. Это разделы «Растительный код в ранней поэзии» [Ермакова 1, с. 231–240] и «Времена года в поэзии: буддийское переосмысление» [Ермакова 1, с. 358–366].

Часть третья, скромно названная «Этюды и очерки», скрывает, по меньшей мере, две важных, с нашей точки зрения, работы. Это – «Этнографические заметки» [Ермакова 1, с. 403–413] и «Краткий энциклопедический очерк истории японской литературы» [Ермакова 1, с. 414–437]. В этнографическом очерке Л.М. Ермакова рассказывает о новых религиозных культах, появившихся в современной Японии, в частности, о культе странного божества Поккури как «божества модного поветрия». Обрядовая деятельность в рамках этого культа предполагает совершение паломничеств в храмы и святилища ради моления о бодрости вплоть до смертного часа, чтобы не быть обременительными для близких, адепты культа просят вышние силы также о быстрой, лёгкой смерти. Кажется бы, рассказ о современном, недолго живущем веровании не предполагает глубокого анализа нынешней социальной и религиозной ситуации, однако автору удалось лаконично и, как всегда, точно и чётко нарисовать сложную многосоставную картину верований современных японцев. В статье нашлось место и для новейшего верования, возникшего буквально только что, в прошлом году: в условиях пандемии произошла актуализация верований в Амабиэ, духа эпидемий, монстра-оборотня (*ё:кай*) конца эпохи Эдо. Кстати, тут во мне заговорил многолетний преподаватель: ведь эти две-три страницы могли бы составить часть замечательного учебного пособия по современной культуре Японии.

То же самое можно сказать о «Кратком энциклопедическом очерке истории японской литературы» – это уже готовое пособие для студентов и молодых японоведов; очерк охватывает всю литературную историю Японии, написан сжато, концептуально, содержательно. Всё это делает «скромную» третью часть первого тома не менее значимой и важной, чем «учёные» первые две. И моя преподавательская мысль уже полетела дальше – мне подумалось, что практически во всех статьях, во всяком случае, во вступлении к каждой части книги, помимо чётко сформулированных конкретных проблем японской мифологии, ритуала или ранней поэтики, есть страницы, посвящённые истории вопроса, основанные на новейших исследованиях японских и западных учёных, а также почти обязательные экскурсии в современность, рассказывающие о сохранности и/или проявлении рассматриваемого явления или обычая в современной японской культуре. Чем не учебное пособие?

Думается, что невозможно стать полноценным японоведом, не ознакомившись с основными ранними письменными текстами. Как раз переводы этих фундаментальных текстов, сопровождаемые обширными вступлениями и комментариями, и входят во второй том издания: это 1–3 свитки «Нихонсёки», мифологическая часть – «Эпоха богов» (первый и второй свитки) и хроника первого легендарного государя Дзимму; собрание молитвословий *норито* из уложения «Энгисики» и указов государей из летописи «Сёкунихонги» *сэммё*; жизнеописание принцессы-жрицы Ямато-химэ-но микото

(«Ямато-химэ-но микото сэйки») — один из важнейших текстов синто, созданный примерно в конце XII в., когда священнослужителями комплекса святилищ Исэ была предпринята попытка разработки собственной догматики.

В предисловии к переводу «Нихонсёки» автор ставит одну из главных, давно обсуждаемых в научном сообществе проблем: почему почти одновременно в VIII в. были созданы два текста, включающие похожий мифологический материал о возникновении Японских островов и о правлении первых мифических и легендарных государей. Опираясь на результаты исследований японских и зарубежных ученых, Л.М. Ермакова анализирует возможные пути разрешения этого вопроса. Скрупулезный разбор разных точек зрения логично связан с трактовкой понятия «синто», размытость которого привела к тому, что оно всё реже стало использоваться в академической науке, не говоря уже о том, что этот термин был скомпрометирован в предвоенный и военный периоды японской истории, став инструментом националистической пропаганды. Эти рассуждения перекликаются со статьей «О синтоизме как термине и понятии» в 1-м томе рассматриваемых сочинений. Не приводя подробную аргументацию различных точек зрения, которым уделён не один десяток страниц предисловия к переводу, хочу остановиться исключительно на соображениях автора.

Тексты мифологических частей «Нихонсёки» и «Кодзики», составленные почти одновременно, чётко демонстрируют разный идеологический подход их авторов. Однако ни один из этих текстов не стал священной книгой местных верований, культуры в целом: «... ни «Кодзики», ни «Нихонсёки», по всей видимости, не стали в Японии сакральным центром культуры, вроде Библии, Торы, Корана или буддийских сутр в соответствующих культурных ареалах, в них не силён этический или натурфилософский аспект, поэтому они не могли стать образцами вроде писаний Лао-цзы и Конфуция». Людмила Михайловна рассуждает, почему японцев, подобно древним иудеям, нельзя назвать «народом Книги». Причины этой черты культуры автор видит в её полицентричности, отсутствии одного сильного сакрального центра, расплывчатой границы сакрального и профанного, обилия разнородных культов; может быть, сыграло свою роль и то, что оба мифологических свода писались, «Кодзики» преимущественно, «Нихонсёки» исключительно на китайском языке, не родном для жителей Островов и известном далеко не всем. В то время, как буддийские сутры, звучащие на китайском языке, усиливали эффект веры благодаря своей непонятности, молитвословия *норито*, произносимые на японском языке, магически воздействовали на слушателя благодаря вполне или даже не вполне понятным японским оборотам речи, содержащим *котадама* – «душу слова». Вероятно поэтому антология «Манъёсю», в которой *котадама* была представлена более чем четырьмя тысячами песен *вака*, стала культуuroобразующим фактором и на века определила развитие и место поэзии в японской культуре.

Вспоминаются давно сказанные слова одного из наших блестящих переводчиков японской поэзии В.С. Сановича — камертоном японской культуры является поэзия. И хотя бывали эпохи, когда она отходила на второй план под напором других жанров, но, пройдя через короткий период утраты первенства, она вновь возглавляет японскую культуру.

В начале нашей рецензии мы уже говорили о важном определении японского религиозного комплекса, который Л.М. Ермакова вводит в научный оборот отечественного японоведения. В предисловии к переводу «Нихонсёки» она раскрывает свою формулировку

следующим образом: «Синто-буддийский симбиоз (что бы ни входило в конкретно-историческое понятие синто) – разумеется, факт доказанный и неоспоримый, реально существовавший на протяжении чуть ли не всей японской истории от эпохи Хэйан до Мэйдзи. Но всё же это был именно симбиоз, а не полное поглощение буддизмом местных культов, верований и обрядов, т.е. синто всё же не мнимая величина, как считают некоторые учёные, а реально существующий, хотя и изменчивый конгломерат обрядов и верований».

Перевод молитвословий *норито* и указов государей *сэммё*:, пожалуй, самый мой любимый из переводов, включённых в рассматриваемое издание. Впервые он был издан ровно 30 лет назад, в 1991 г., в «чёрной серии» «Памятники письменности Востока», ХСVII, Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука». От частого пользования мой экземпляр распался на отдельные листочки, пришлось подклеивать его бесчисленное множество раз. В новом издании Л.М. Ермакова не только расширила и обновила комментарий, но и изменила структуру подачи материала. В новой редакции комментарии располагаются после каждого *норито* и соответственно *сэммё*:, а не в конце перевода, как было в первом издании. Представляется, что *норито* и *сэммё*:' значительно выиграли от нового композиционного решения, они стали яснее, понятнее. На первый взгляд, тексты представляются архаичными, наполненными мифологическими образами, однако при тщательном прочтении этих текстов и пояснений к ним оказывается, что они содержат множество исторических, социальных, политических механизмов преемственности культуры. Например, основные понятия – пространство и время, которые стремился объяснить себе человек в первую очередь, – в *норито* и *сэммё*:' встречаются многократно и подробно интерпретируются автором. Речь идёт о многих пространственных понятиях – таких, как вертикальная и горизонтальная оси, ориентация по четырём сторонам и четырём углам, значение перекрестий и множество других. Л.М. Ермакова убедительно показывает, что тексты *норито* и *сэммё*:' вместе с песнями *кагура*, вероятно, сохранили ту архаическую основу, на которой укоренились развитые материковые культурные формы и феномены, которая и сегодня, подчас самым неожиданным образом, проявляет себя.

В исследовании, предпосланном переводу «Жизнеописание принцессы-жрицы Ямато-химэ», Л.М. Ермакова подчёркивает важность этого текста для понимания японского религиозного комплекса, тем более, что при его составлении явно использовались не только тексты, сохранившиеся во Внешнем святилище Исэ, но и другие документы древности, местные предания, различные списки «Кодзики» и «Нихонсёки» и другие тексты, имеющие отношение к культам богов Неба и Земли, в том числе и не сохранившиеся к нашему времени. По жанру это, скорее, предание, выстраивающее мифологическую историю обряда поклонения божеству солнца и связанного с ним старинного обычая посылать в сакральный комплекс Исэ дочь или, в случае отсутствия дочери, другую родственницу императора в качестве жрицы, посвящённой богине Аматаэрасу.

Наверное, все эти три книги вместе – «Российско-японские отражения: история, литература, искусство» и рассматриваемый двухтомник по японской древности – можно образно назвать отчетом Л.М. Ермаковой о работе, проделанной ею за десятки лет. И хотя в этот отчёт вошли не все работы автора, например, сюда не включён её перевод и исследование хэйанской повести «Ямато-моногатари», а также не все переведённые ею свитки «Кодзики» и «Нихонсёки», он получился очень впечатляющим и значительным.

У меня как у читателя и коллеги-японоведа неизменное восхищение вызывает глубина проникновения Л.М. Ермаковой в поставленную проблему, отточенность её формулировок, широта привлекаемого для аргументации материала.

Нельзя также не сказать о том, что двухтомник необыкновенно изысканно оформлен. Наша признательность художнику Дмитрию Черногаеву и автору фотографии на переплёте первого тома Мацумото Хаято. Добавим, что в оформлении не обошлось и без участия самого автора.

Буквально на днях пришла новость, что на недавнем конкурсе Ассоциации книгоиздателей России это издание принесло издательству «Наука – Восточная литература» диплом за лучшую книгу 2020 г. в области гуманитарных наук.

Завершая рецензию, хочется пожелать автору увлекательных поисков и новых открытий, а читателям непростого, но очень интересного чтения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ермакова Л.М. Когда раскрылись Небо и Земля. Миф, ритуал, поэзия ранней Японии. Москва: Наука – Восточная литература. 2020. Том 1. Исследования. 439 с. ISBN 978-5-02-039868-9. Том II. Переводы. 591 с. ISBN 978-5-02-039869-6

Щепкин В.В. Зеркало российского японоведения. Рецензия на книгу Л.М. Ермаковой «Российско-японские отражения. История, литература, искусство» // Японские исследования. 2021. № 1. С. 140–146. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-141-146

REFERENCES

Ermakova, L.M. (2020). *Kogda raskrylis' Nebo i Zemlya. Mif, ritual, poeziya rannei Yaponii* [When Heaven and Earth Opened. Myth, ritual, poetry of early Japan]. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura. Vol. I. Research. ISBN 978-5-02-039868-9. Vol. II. Translations. ISBN 978-5-02-039869-6. (In Russian).

Shchepkin V.V. (2021). *Zerkalo rossiyskogo yaponovedeniya. Retsenziya na knigu L.M. Ermakovoy «Rossiysko-yaponskiye otrazheniya: istoriya, literatura, iskusstvo»* [A mirror of Japanese studies in Russia. Review of the book “Russian-Japanese Reflections: History, Literature, Arts” by Liudmila M. Ermakova]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2021, 1, 141–146. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-141-146